

**Трудовая коммуна как одна из лучших форм борьбы
с детской беспризорностью и преступностью.
Из истории коммуны имени Ф.Э. Дзержинского**

Коммуна имени Ф.Э. Дзержинского, детское воспитательное учреждение, была создана в поселке Новый Харьков (пригород Харькова) 29 декабря 1927 г. Ее руководителем был назначен 32-летний педагог-новатор А.С. Макаренко, находившийся на этом посту до 1935 г. Коммуна существовала на добровольные отчисления из заработной платы чекистов Украины (как памятник Ф.Э. Дзержинскому).

Ядром коллектива явились бывшие воспитанники колонии им. М. Горького, которая была создана на Украине, под Полтавой еще в начале 1920-х гг. также при непосредственном участии Антона Семеновича Макаренко. Нужно отметить, что воспитанниками горьковской колонии, точнее будет сказать, дома для «дефективных», так называли беспризорных подростков в начале 1920-х гг., были не маленькие дети, а парни и девушки, успевшие побывать в вооруженных шайках. Они сознательно занижали свой возраст, чтобы не попасть под расстрельную статью за бандитизм. Макаренко пришлось проявить немало мужества, чтобы завоевать их доверие. Впоследствии он вспоминал: «Ни один человек не знает, какой это исключительный трюк – один день «позаведовать» колонией Горького. А этот трюк продолжается восемь лет» [1]. Именно здесь Макаренко начал воплощать свою новаторскую педагогическую систему, основанную на сочетании школьного обучения с производительным трудом. Здесь была создана своеобразная сельскохозяйственная община, за счет которой колонистам удалось выжить в разоренной голодом и гражданской войной стране. Колонисты возделывали свои сады и огороды, выращивали пшеницу, овес и даже породистых свиней, которыми восхищались местные сельяне. В течение 3-4 лет с момента открытия было создано образцовое воспитательное учреждение «Трудовая колония имени А.М. Горького», число ее воспитанников в 1926 г. составляло 120 чел. В этом же году колония переселилась в с. Куряж, вблизи Харькова, где жили еще 280 крайне запущенных детей. Макаренко решил с помощью «горьковцев» превратить «куряжан» в образцовый трудовой коллектив, воспитать их силами самих колонистов. А.М. Горький, посетив в 1928 г. колонию, писал в очерках «По Союзу Советов»: «Кто мог столь неузнаваемо изменить, перевоспитать сотни детей, так жестоко и оскорбительно помятых жизнью? Организатором и заведующим колонией являлся А.С. Макаренко. Это бесспорно талантливый педагог. Колонисты действительно любят и говорят о нем тоном такой гордости, как будто они сами создали его» [2: 13].

Хотя метод Макаренко построения трудовой школы давал положительные результаты, его запретили. Наркомпрос обвинил новатора в том, что система воспитательного процесса, применяемая в колонии, есть «система не советская» [2: 14].

Горький принял большое участие в судьбе и колонии, и самого Макаренко. Используя свое влияние среди руководства ОГПУ писатель устроил ему перевод в новую коммуну под Харьковом, созданную чекистами в память Ф.Э. Дзержинского. Правда, он автоматически должен был стать штатным сотрудником ГПУ. Антон Семенович согласился, но поставил условие: безоговорочное принятие его системы воспитания. Чекистам нужен был скорый результат. Голод и коллективизация на Украине поставляли все новых беспризорников, и чекисты дали «добро». Вскоре, среди всеобщего голода коммуна имени Дзержинского стала островком благополучия. Коммунары были сыты, одеты, обуты и ни в чем не нуждались. Чекисты любили и опекали свое «детище».

Новая коммуна была не просто обычным интернатом для пребывания там несовершеннолетних подростков. Но и исправительной колонией (в полном значении смысла этого слова) ее также нельзя было назвать ввиду достаточно свободного режима и отсутствии официальных карательных санкций. Скорее всего, коммуна им. Ф. Дзержинского можно охарактеризовать как «закрытое заведение профессионально-трудового обучения и производства», которое, кроме того, занималось перевоспитанием (реабилитацией, социализацией и коллективизацией) детей-правонарушителей.

Вначале маленькому детскому коллективу (60 человек) пришлось довольствоваться одним домом – бывшей деревенской мастерской, внутри больше похожим на заброшенный сарай. Изю всей мебели там уцелел лишь кухонный буфет, который, из-за своих масштабов местные жители не смогли куда либо пристроить. Со временем, усилиями колонистов, дом все же был благоустроен. Вот как описывает его один из многочисленных гостей показательной коммуны: «Темно-серый двухэтажный дом коммуны, оштукатуренный терезитом, стоял на опушке леса. Дом отличался стройной и изящной архитектурой: при достаточной вместительности он не казался внешне большим и громоздким. От главного корпуса шли вглубь три крыла, часто расположенные окна обеспечивали отличное освещение всех внутренних помещений. Красная черепичная крыша, два выступа по сторонам парадного входа, вывеска с золотыми буквами на сетке над фронтоном, флаштоки на башенках составляли украшение фасада» [3: 67-70].

Действительно, со временем колония превратилась в поистине мощный исправительно-трудовой комплекс со своей больницей, кинотеатрами, клубами, библиотеками. Здесь был создан даже завод фотоаппаратов известной в то время марки «ФЭД» (от инициалов Ф.Э. Дзержинского).

Средства от реализации продукции шли на дальнейшее развитие и благоустройство это «городка», население которого в конце 30-х гг. составляло уже более 1 000 чел. Воспитанники ощущали ответственность за благоустройство своей коммуны, а значит, и за качество выпускаемой продукции. Такое чувство собственности, можно сказать «чувство хозяина» в то посленэповское время (конец 1920-х гг.) было неприемлемым большевиками, но все же данная практика производства в колонии приносила свои положительные плоды. В своем опыте Макаренко успешно соединял умственный труд с физическим. Как известно, коммунарам на обучение в общеобразовательной школе отводилось от четырех до пяти часов, четыре часа ребята работали в мастерских.

Каждый новый воспитанник в первые же дни зачислялся в школьную группу соответственно своим знаниям. Дежурства, хозяйственные работы, наряды не освобождали воспитанников от посещения школы. Вечером, после работы воспитанники посещали многочисленные прикладные кружки и спортивные секции (борьба, бокс, плавание и др.). Особо выделялась ребятами кавалерийская секция, где обучали основам верховой езды.

Макаренко считал, что нельзя построить правильные межличностные отношения без постоянной трудовой сплоченности и взаимной рабочей ответственности коллектива. Весь производственный труд коммуны им. Дзержинского был основан на опыте коллективного труда в Горьковской колонии (откуда потом пришли колонисты в Дзержинскую коммуну). Все воспитанники были разделены на отряды по производственному принципу. Это были так называемые первичные отряды с командирами во главе. Все командиры отрядов, вместе взятые, составляли совет командиров, руководивший всей жизнью колонии. Командиры, избираемые на общем собрании сроком на три месяца, обладали огромным авторитетом и уважением со стороны остальных воспитанников. Совет командиров – главный орган самоуправления, решал практически все задачи. Без участия совета ни рядовой колонист, ни даже А.С. Макаренко не принимали никаких ответственных решений.

Отряд имел не только производственное, но и бытовое значение. Из трудовых отрядов еженедельно выделялось для работ по самообслуживанию определенное количество коммунаров. Такая работа не пользовалась успехом у ребят, поэтому за нее начислялось определенное количество очков. Например, за уборку туалетной комнаты или актового зала можно было получить 4 балла. Эти баллы начислялись всему отряду. Несомненно, что созданная в коммуне отрядная система способствовала укреплению дисциплины и выполнению учебно-производственных заданий. Отношения между рядовыми колонистами, командирами и воспитателями регламентировала, так называемая, «Конституция трудовой коммуны им. Ф.Э.

Дзержинского». Это был своеобразный устав, который был составлен, принят и торжественно записан еще в самом начале существования коммуны при непосредственном участии А.С. Макаренко и совета командиров.

Для лучшей организации труда и эффективного распределения времени в коммуне был введен четкий график с указанием рабочего времени и времени отдыха. Так, школьные занятия проводились с 8 утра до 11 часов дня. После обеда начиналась работа в мастерских (с 12 до 16 часов). Остальное время отводилось для отдыха, спорта, работе в кружках. Отбой в 21-00.

Сочетание требовательности к людям с искренним доверием к человеку создавало атмосферу, к которой совместное воспитание юношей и девушек не являлось особой проблемой. В коммуне Макаренко использовал три основных принципа, без которых сама система, построенная на трудовом перевоспитании, была бы невозможной. Прежде всего педагог-новатор не пытался требовать от вновь прибывших колонистов делать сразу все по правилам. Старая жизнь неизменно давала о себе знать. От всех пришлых он требовал вначале всего лишь три вещи: ночевка только на территории коммуны, нетерпимость к пьянству, а также к воровству. По мере воспитания и улучшения поведения прибавлялись другие, более тонкие требования.

Второй, не менее важный принцип, заключался в том, что Макаренко не наказывал тех ребят, которым не доверял, не давая, впрочем, им ответственных поручений. Этим самым он давал коллективу ребят понять, что уважение и доверие к себе надо заслужить хорошими делами и послушанием: «ты не заслужил того, чтобы тебя наказывали».

Третий принцип жизни в коммуне «кто работает, то и управляет» позволял каждому колонисту чувствовать себя относительно свободно. Ведь, даже тогда, когда мнение А.С. Макаренко не совпадало с решением так называемого «совета командиров», последнему предоставлялось заключительное слово в решении проблемы [3: 70].

В период с 1927 по 1929 гг. в коммуне им. Дзержинского были организованы учебные мастерские: слесарно-механическая, деревообделочная, швейная, сапожная. Со временем появилась кузница, швейная мастерская для девочек, которая обшивала всю коммуну. На фоне общего трудового воспитания коммунары овладевали определенной рабочей специальностью, что давало им уверенность относительно их материального благополучия после выхода из коммуны. В период с 1930 по 1931 гг. производственная база коммуны подверглась серьезной реконструкции, мастерские были реорганизованы в цеха, и коммуна начала переходить на полукустарное производство, что давало стабильный и значимый доход. Появились машинный, литейный, никелировочный, пошивочный и другие цеха. Для

них было приобретено новое оборудование, прибыли специалисты, которые помогали освоить новую технику и навыки профессии. Несмотря на то, что оборудование было изношенным и устаревшим, доходы от мастерских стали давать коммунарам возможность перейти на самоокупаемость и отказаться от материальной помощи чекистов, на иждивении которых колония находилась с момента своего создания.

По инициативе Макаренко была введена заработная плата для коммунаров, которую он рассматривал как средство воспитания. После всех текущих взносов: на свое содержание, в «фонд командиров», на содержание младших товарищей, комсомольские взносы и карманные деньги, размер которых для каждого воспитанника Макаренко определял сам, оставшаяся сумма от заработка как неприкосновенный фонд хранилась на сберегательной книжке коммунара до момента выхода его в «жизнь», в большинстве случаев до поступления в вуз.

На территории коммуны постоянно шли строительные работы. Появлялись новые спальные и учебные корпуса, больница, театр, столовая, даже гараж, так как в коммуне имелся свой автотранспорт. Был построен очередной корпус завода по производству электроинструментов, где был налажен выпуск точной копии электродрели заграничного образца. Строился и четырехэтажный дом для инженерно-технических работников, где находилась и квартира Макаренко.

В 1931 г. правлением коммуны им. Держинского группе инженеров было предложено произвести выбор для строительства такого производственного объекта, который отвечал бы учебно-воспитательным задачам коммуны, был бы полезным для страны, интересным для воспитанников с технической стороны и показательным для других предприятий. Кроме того, будущий завод должен был обеспечить самостоятельное хозяйственное существование и дальнейшее развитие коммуны. Уже в 1932 г., на электро-инструментальном заводе было организовано производство фотографических пленочных аппаратов под названием «ФЭД» (Феликс Эдмундович Держинский). Экспертизой профессоров и специалистов Государственного оптического института фотоаппарат «ФЭД» был признан хорошим, не уступающим заграничному образцу, и даже с некоторым преимуществом в оптической части.

Нужно отметить, что для осуществления такого рода проектов и строительства новых зданий колония получала от государства денежные ссуды, однако, с условием последующего их погашения, согласно существовавшему общему для всего индустриального строительства положению.

Коммуна непрерывно росла. В 1935 г., число воспитанников достигло 600 чел. Новый завод фотоаппаратуры состоял уже из четырех корпусов. Перед заводом был разбит сквер, устроены цветники, на до-

рожках стояли скамьи для отдыха.

Коммуна в целом производила впечатление развитого индустриального городка. Культурный и нравственный уровень членов этого коллектива был достаточно высок, что позволило Макаренко упразднить должность штатных воспитателей коммуны. Однако на самого педагога участились доносы.

Его обвиняли в связи с братом – белым офицером, эмигрировавшим из России, оставались претензии и к его методам воспитания. В 1935 г. Макаренко неожиданно перевели в Киев, в Главное управление НКВД Украины. Теперь он контролировал одновременно 12 трудовых колоний Украины, но только не коммуны им. Дзержинского. Сюда был направлен новый начальник – бывший чекист Вениамин Берман, который вытравлял из коммуны всю «макаренковщину». Коммунары его не любили, их отношения особенно обострились после того, как в отместку за травлю любимого Антона Семеновича они вытащили у пьяного Бермана из кармана партбилет. Такого педагогу простить не могли. Недруги ждали подходящего повода. И он представился. 5 сентября 1936 г. на выпускном вечере в одной из коммун Макаренко произнес фразу: «Все мы работаем под руководством партии и товарища Сталина. И если даже товарищ Сталин сделает тысячу ошибок, мы все равно должны идти за товарищем Сталиным» [4]. После этого выступления на Макаренко был составлен новый донос. Однако за него вступился комиссар госбезопасности, нарком внутренних дел Украины Всеволод Балицкий. Ареста удалось избежать, хотя на доносе уже стояла резолюция: «Это – контрреволюционер» [4: 7].

Вопреки официальному мифу, Макаренко никогда не был членом партии и умер беспартийным в 1939 г., в поезде, по дороге в Москву. На вокзале его ждали чекисты, чтобы арестовать. Знал ли об этом Антон Семенович, неизвестно. Он прилег на скамейку, почувствовав себя нехорошо, и до прихода врача скончался. После вскрытия тела оказалось, что сердце его, как яблоко, разорвано на две половинки.

Библиографический список

1. Бобровская М.Е. К истории детской трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. М., 1952.
2. Волков Б. Далекие годы: Этюды об А.С. Макаренко // Учительская газета. 1982. 13 марта.
3. Караковский В.А. Коммуна им. Ф.Э. Дзержинского как воспитательная система // Советская педагогика. 1978. № 3.
4. Ширвиндт Б.Е. Лучший путь воспитать коммунаров. М., 1980.